

0694

HARLEQUIN®

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Мишель Дуглас

**ПОДЛИННАЯ
КРАСОТА**

Погари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мишель Дуглас

Подлинная красота

«Центрполиграф»

2012

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Дуглас М.

Подлинная красота / М. Дуглас — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07311-2

После тяжелой болезни звезда мира моды Блэйр возвращается в родной городок, чтобы восстановить силы – и уверенность в себе. Но это трудно, когда все вокруг пытаются обращаться с ней как с ребенком, а из зеркала смотрит чужой человек. Одинокий отец Ник имеет свои счеты с миром моды и лично с Блэйр, но, когда знакомится с ней поближе, ему приходится серьезно пересмотреть свои представления. Смогут ли они излечить раны друг друга и найти новое счастье в жизни?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07311-2

© Дуглас М., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мишель Дуглас

Подлинная красота

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Man Who Saw her Beauty
© 2012 by Harlequin Books S.A.

«Подлинная красота»
© «Центрполиграф», 2017
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Блэйр пристально всматривалась в зеркало. Обычно она так критично оценивала только одежду, которую демонстрировала на весенней Неделе моды в рамках своей линии «Блэйр Мак». Сейчас она, сосредоточившись, широко раскрыла левый глаз и аккуратно приклеила накладные ресницы. Моргнула. Прodelала то же самое с правым. Всему этому она научилась двадцать лет назад, когда работала моделью. Но не ожидала, что ей снова понадобятся прежние навыки, даже когда она перестанет ходить по подиуму.

А вот клеить накладные брови ей пришлось научиться совсем недавно. По крайней мере, их не надо снимать каждый день, как ресницы. Если обращаться с ними осторожно, брови остаются на месте неделями.

Раньше ее брови были светлыми, но густыми, и Блэйр приходилось их подкрашивать... Незачем вспоминать прошлое.

Прогнав ненужные мысли, она аккуратно сняла парик с подставки, провела ладонью по всей длине светлых синтетических прядей. Даже опытному взгляду трудно было бы отличить парик от ее прежних естественных волос. Дана, ее подруга и гениальный парикмахер, предупреждала, что парик слишком длинный, но Блэйр все равно выбрала именно его, находя утешение в том, насколько он похож на ее прежние волосы.

Надев парик и поправив его так, чтобы он сел на место, она снова взглянула в зеркало, проверяя, что еще нужно сделать. Что сделать, чтобы выглядеть нормально. Выглядеть здоровой. Что сделать, чтобы люди перестали обращаться с ней как с больным ребенком.

Наконец она отступила на шаг и окинула взглядом все лицо. Еще немного краски на щеках не помешает. Она потянулась за румянами, а потом – за золотисто-розовой помадой и в очередной раз порадовалась, что в прошлом освоила навыки макияжа.

Еще один шаг назад, и она оценивающе изучила свое лицо, сначала с правой стороны, потом с левой. Сердце у нее замерло. Блэйр наконец узнавала себя. Сегодня, когда она выйдет на улицу, никто не догадается... А сейчас никто не увидит, как у нее дрожат руки, закрывающие помаду, как трудно ей закрутить крышку баночки с румянами.

Хватит жаловаться. Надо быть благодарной судьбе...

Отвернувшись от зеркала, она развязала халат, надела бюстгальтер с протезом и как можно скорее натянула футболку. Но проблема была в том, что в ее сердце не было благодарности – только страх. Страх, что ее жизнь никогда больше не будет нормальной. Страх, что тетя Глори никогда не оставит ее в покое и тревогой за любимую племянницу загонит себя в могилу раньше времени. Она даже думала продать дом и переехать в Сидней, чтобы быть поближе к Блэйр! Хотя она всю жизнь прожила в Дангоге и ненавидела большие города.

Блэйр подперла подбородок пальцами, поднимая его выше. Она обязана Глори всем, и настало время успокоить тетины страхи. Для этого она и приехала. Блэйр в безопасности, она снова здорова.

Вскочив на ноги, она сгрэбла всю косметику в сумку. Она таскала с собой всю коллекцию, на всякий случай, чтобы поправить макияж, если что-то случится. Как только она убедит Глори, что можно больше над ней не трястись, жизнь вернется в нормальное русло. Только этого Блэйр и хотела – нормальной жизни.

Она сцепила пальцы перед собой. Оставалось блефовать. Если двадцать лет назад ей удалось блефом выиграть «Мисс Шоугерл», блефом сделать карьеру модели, блефом поступить на факультет дизайна – наверняка ей удастся блефом убедить всех, что она совершенно здорова.

– Блэйр! Только посмотрите на нее! – воскликнула Глори, как только Блэйр вошла в кухню. – Ты выглядишь потрясающе. Как будто...

– Как будто и не болела, – договорила Блэйр за нее.

– Ну да, но...

Нужно блефовать! Блэйр демонстративно развернулась на месте.

– Я как новенькая.

Она чмокнула тетю в щеку, уселась за стол и насыпала мюсли в миску. Во время операции и химиотерапии ей помогал не блеф, а Глори.

– Чаю? – Тетя приподняла чайник.

– Да, спасибо. И перестань на меня так смотреть, тетя Глори. Мне пришлось... нелегко.

– Ты через ад прошла! – воскликнула Глори.

Блэйр сжала ее ладонь в своей:

– Целый месяц ничего не делать и расслабляться здесь, дома, было здорово. Ты не представляешь, как я этого ждала.

– А ты не представляешь, как хорошо, когда ты дома. – У Глори задрожала нижняя губа. Блэйр мысленно едва себе не врезала за то, что торопится выйти на работу, что падает в обмороки, что снова всех беспокоит. Она знала, как сильно тетя ее любит. Знала, как боится ее потерять. Что Глори пришлось пережить.

Поэтому она и провела этот месяц как будто в отпуске.

Но теперь ей пришлось сглотнуть комок в горле и продолжить:

– Тетя Глори, врачи вырезали опухоль. Химиотерапия гарантирует, что это навсегда. Я с каждым днем становлюсь сильнее. Сейчас мое здоровье только чуть хуже, чем у любой другой женщины моего возраста. У меня будет долгая и насыщенная жизнь. Хватит обращаться со мной как с ребенком. Пожалуйста, пусть все будет как раньше.

– Не обращаться как с ребенком, – пробормотала Глори, качая головой.

– Именно. Пей чай, пока не остыл.

Блэйр подождала, пока тетя не съест тост, прежде чем сказать:

– Ты говорила, что сегодня у тебя собрание Сельскохозяйственного фестиваля?

– Да, милая, все там будут.

– Замечательно! Я тоже приду.

Тетя уронила чайную ложку на блюдце.

– О, но, Блэйр...

Она попыталась не морщиться от тревоги в голосе тети. Прошлой ночью она много часов не могла заснуть, придумывая, как доказать Глори, что с ней снова все в порядке. Появляться на людях, вести себя как обычно – это была ее лучшая идея.

– Я хочу повидаться с теми, кого давно не видела. И наверняка в следующие пару месяцев найдутся дела, с которыми я могу помочь.

– Тебе надо отдыхать!

– О, этим я тоже буду заниматься. – Блэйр потянулась и усмехнулась: – У меня отпуск, так что я планирую лениться и развлекаться. Планировать фестиваль – это развлечение. В детстве мне всегда нравилось это время года.

– Я помню... – От ностальгической нотки в голосе тети у Блэйр перехватило горло.

На встрече организаторов фестиваля Блэйр пришлось нелегко, как она и ожидала.

Конечно, на нее смотрели так, что внутри все сжималось; но фразы вроде «Как ты хорошо выглядишь!» и искреннее удивление облегчали ситуацию. Блэйр не хотела, чтобы ее жалели.

«Ах, бедняжка Блэйр. Как ужасно – потерять родителей в таком нежном возрасте». Она выросла под эту песню и ненавидела ее. И не позволит теперь добавить второй куплет: «Ах, бедняжка Блэйр, как ужасно молодой женщине лишиться груди».

Даже если это и ужасно.

Даже если она не может смотреть на себя без одежды.

Так что она болтала, смеялась, пила чай, ела торт, а потом, когда Джоан, глава оргкомитета Сельскохозяйственного фестиваля, призвала собрание к порядку, села со всеми за стол. В ходе собрания она внимательно слушала и иногда даже делала предложения.

– Ладненько, продолжаем... – Джоан посмотрела в план. – Конкурс «Мисс Шоугерл».

Блэйр села прямее. Конкурс «Мисс Шоугерл» в Дангоге сочетал конкурс красоты, благотворительность и соревнования в ораторском искусстве и был важной частью истории ее городка, сколько они все себя помнили.

И двадцать лет назад она его выиграла.

Под париком у нее выступил пот; она не могла не сравнивать настоящее и прошлое. Когда-то ее тело было идеальным, а она это не ценила. А теперь... Она слотнула и заморгала. Незачем вспоминать и сравнивать.

Она покосилась на Глори. Может, получится сбежать незаметно... Но словно услышав ее мысли, Глори обернулась к ней. Блэйр немедленно нацепила улыбку.

– Замечательно! – Она всплеснула руками. – Сколько в этом году участниц?

– Девочки! – Джоан окликнула группу подростков на дальнем конце стола. – Кто из вас собирается участвовать в конкурсе? – Она пересчитала руки. – Десять? Чудесно.

Когда участвовала Блэйр, было двенадцать...

– Но у нас небольшая проблема, – сказала Джоан. – Лекси Гамильтон, которая обычно работает с участницами, в этом году не может ими заниматься. Так что нам нужна новая наставница. Кто-нибудь хочет за это взяться или предложить кандидатку?

Все молчали. Джоан повернулась к Блэйр:

– Блэйр, милая, ты надолго в городе?

Уголкем глаза она видела, как тетя качает головой, и расправила плечи.

– Я здесь до конца месяца и с удовольствием помогу.

Взгляд Джоан на секунду метнулся к Глори, словно за подтверждением. Блэйр вздернула подбородок и широко улыбнулась:

– Я с удовольствием стану наставницей конкурсанток «Мисс Шоугерл».

Джоан откашлялась:

– Конечно, мы не хотим тебя перегружать, после всего, что ты пережила...

– Перегружать? – хмыкнула она и одарила Глори лично широкой улыбкой. – Насколько я помню, наставница встречается с участницами раз в неделю на два часа? Это совершенно меня не напряжет. – Пользуясь тем, что все ее слушают, она посмотрела на участниц. – Вечер четверга, с половины шестого до половины восьмого, всем подходит? – Десять голов кивнули одновременно. – Отлично! И у вас есть целый месяц на то, чтобы найти мне замену к тому времени, как я уеду обратно в город.

Джоан снова покосилась на Глори:

– Ну... я...

Блэйр улыбнулась тете с нарочитой беззаботностью, как будто не знала, какие возражения последуют, и тем самым помешала ей подать Джоан сигнал.

– Что ж... Спасибо, Блэйр. Ты нас очень выручаешь.

– Блэйр, милая... – Глори нашла ее у буфета после совещания. – Я задержусь еще на пару часов. Ты, наверное, устала. Отправляйся домой без меня.

– Я не устала, – автоматически сказала Блэйр и тут же добавила: – Но мне стоит заглянуть в газетный киоск и купить пару модных журналов. Мне нужно освежить знания.

Глори вздохнула:

– Как нехорошо со стороны Джоан взваливать все это на тебя! Ты уверена, что хочешь заниматься конкурсом? Я могу с ней поговорить...

– Ну что ты! Я очень хочу поучаствовать. – Блэйр вздохнула и положила на свою тарелку треугольные сэндвичи и пирог с изюмом. – Тетя Глори, я выучила урок, когда поспешила вернуться к работе. Но два часа в неделю – это не тяжелый труд. И... ты можешь присоединиться ко мне! Как ассистент наставницы!

– Я? – моргнула Глори. – Но я совсем не разбираюсь в моде! Ты же знаешь, я никогда ничего в этом не понимала. Твои школьные юбки были слишком длинными или слишком короткими. Если в моде были носки по шиколотку, я покупала по колено, или наоборот...

Блэйр рассмеялась. По-настоящему. Она уже и не помнила, когда это случилось.

– Ты сделала мое детство счастливым, тетя Глори. Ты сама это знаешь.

– Да, но... модного эксперта из меня не выйдет. Этим девочкам повезло, что у них есть ты. Но обещай, что ты не станешь себя перегружать.

– Обещаю. Но и ты не перегружай себя! Ты за весь день ни кусочка не съела. Так что я от тебя не отойду, пока ты не выпьешь чашку чая и не съешь это все.

Она вручила удивленной тете тарелку, налила чашку чаю и принялась излагать свои планы на встречи с участницами конкурса:

– Мы будем обсуждать прически, и макияж, и наряды, осанку и все такое – что может быть интереснее?

Она с трудом сдержала истерический смех. Прически и макияж больше не были для нее удовольствием. Они были необходимы, чтобы люди на нее не пялились, не жалели. Прически и макияж спасали ее от уродства.

– Ты всегда в этом разбиралась, – кивнула Глори, отставляя опустевшую тарелку. – Говоришь, интересно...

– Очень. – Блэйр заставила себя улыбнуться как можно шире. Она обняла тетю, но тут же пожалела об этом – протез, заменявший ей правую грудь, впился в шрамы на груди, заново напоминая, как изменилось ее тело.

– О, твое следующее совещание начинается. Увидимся позже, дома!

Блэйр напомнила себе, что Рим не за день строился, и за один день страхи Глори не рассеются. С этими мыслями она направилась к заднему выходу из здания. Но за дверь на улицу звучали голоса. Она замедлила шаги. Похоже, не она одна так сокращала дорогу на улицу...

Блэйр поколебалась, но лишь секунду. Хотя она устала от общения и была более чем готова передохнуть в одиночестве, но в Дангог она приехала не для того, чтобы изолировать себя от всех. Она заставила себя двигаться навстречу широким двойным дверям.

– Ты выставишь себя полной дурой, Стиви Конвей, – не говори, что я тебя не предупреждала! Ты недостаточно красивая, чтобы стать «мисс Шоугерл». Бросай сейчас, пока ты не стала посмешищем.

Несколько голосов захихикали, и у Блэйр перед глазами повисла красная пелена ярости. После черно-серых тонов депрессии и страха это было замечательно. Исполнившись силы, она распахнула двери так сильно, что створки стукнулись о стену. Четыре девочки, стоявшие на площадке лестницы, развернулись к ней навстречу.

– Девочки, послушайте меня очень, очень внимательно.

Она спустилась по ступеням своей подиумной походкой – колени высоко поднимаются, бедра покачиваются, подбородок гордо вздернут, – всем своим видом требуя внимания. На последней ступеньке она остановилась, глядя на девочек сверху вниз, и уперлась руками в бока, чтобы казаться как можно выше. И наклонилась вперед, нависая над ними.

– «Мисс Шоугерл» – это не просто конкурс красоты. В этом соревновании вы осваиваете навыки, которые помогут вам в жизни, и в то же время собираете деньги на важное дело. Вы учитесь использовать все, что у вас есть, – тело, душу и разум.

Девочки не отвечали. У Блэйр в душе беспомощность и уязвимость на секунду сменились силой. Это было просто потрясающе.

– В год, когда я выиграла конкурс, я была не самой красивой. Посмотрите на старые фото. Красавицей была Моника Далвуд. – Моника, рыжеволосая и сногшибательная, не смогла справиться с парализующей застенчивостью.

Блэйр посмотрела каждой из девочек в глаза по очереди. Хватило нескольких мгновений, чтобы понять, кто из них Стиви Конвей, и не потому, что девочка не была красавицей. Она была очень хороша собой. Но еще она выглядела как типичная пацанка: в джинсах, с короткими волосами, без тени макияжа, без единого украшения. Она разительно отличалась от трех конкуренток.

Блэйр расправила плечи:

– Если вам интересно, кто из вас на свете всех милее, я прямо сейчас поставлю вам оценку, от одного до десяти. – На самом деле каждая из них заслуживала десятки. Но дело было не в этом. Блэйр видела, что ее слова их задели. Никому из них не хотелось, чтобы ее судили только по внешности. Это Блэйр порадовало.

– Но если сейчас вы попросите меня об оценке, я не пушу вас на встречи по четвергам. Что выбираете, девочки?

Все пробормотали: «Встречи в четверг, мисс».

– Хорошо. И последнее. Если я еще хоть раз услышу от вас подобные комментарии, то нам придется очень серьезно поговорить. Понятно?

Все закивали.

– Превосходно. – Она отряхнула руки. – Уверена, у вас еще есть планы на день.

Девочкам не надо было говорить дважды. Трое немедленно сорвались в одну сторону; Стиви направилась в другую.

– Стиви, постой.

Девочка замерла, а потом развернулась:

– Вы все слышали, да? И знаете, что я и есть Стиви, потому что я не такая красивая, как они.

– Я слышала не все, – возразила Блэйр, – но точно слышала достаточно. И догадалась, что ты и есть Стиви, потому что ты ушла одна, а остальные – вместе.

Плечи девочки чуть расслабились.

– Я надеюсь, – продолжила Блэйр, – что ты не обращаешь внимания на глупости, которые они говорят. У тебя такие же шансы стать «мисс Шоугерл», как и у них.

– Но это неправда! Даже мой папа считает, что у меня шансов нет.

Блэйр едва не ахнула. Любой стоящий отец должен поддерживать дочь, а не подрывать ее самооценку! Стиви тем временем взмахнула рукой:

– Сколько бы я ни старалась, я не смогу выглядеть как они!

– И слава богу!

Стиви вскинула голову:

– Что?

Блэйр подняла палец:

– При выступлениях на публике и в интервью мы говорим не «что?», а «прошу прощения?». И конечно, эти девочки красивые, но они же совершенно одинаковые блондинки. Их невозможно отличить друг от друга.

Стиви открыла рот:

– Вам не положено так говорить!

– Почему бы нет? – Блэйр пошла к воротам, увлекая Стиви за собой. – Я блондинка и, как многие считают, красивая; но поверь, если бы ты увидела меня утром, до того, как я уложу волосы и накрашу лицо, ты бы испугалась.

Какая жестокая правда. Блэйр слотнула подступившую тошноту.

– Мы все работаем с тем, что есть. А у тебя есть многое: восхитительная оливковая кожа и великолепные волосы. – Волосы у Стиви были короткими, но темными, густыми и блестящими. – У тебя изумительный цвет глаз. – Серо-голубой. – Титул «мисс Шоугерл» достанется участнице, которая выделяется, докажет, что достойна. Если судьбы не смогут отличить одинаковых блондинок друг от друга, они титул не получают.

Стиви на секунду задумалась:

– Но если одна из них сумеет выделиться, доказать...

– Если она так много работает, – мягко сказала Блэйр, открывая перед Стиви калитку, – то она заслуживает победы.

Стиви остановилась, и Блэйр тоже.

– Вы правда-правда считаете, что у меня есть шанс? Вы это говорите не просто потому, что вы наша наставница и должны нас подбадривать?

– Я правда-правда так считаю, – искренне сказала она. Но тут же нахмурилась: – Для тебя так важна победа?

Девочка покачала головой:

– Я просто хотела знать, что у меня столько же шансов, что и у остальных.

– И?.. – Блэйр чувствовала, что за этим стоит что-то большее.

– Иногда я хочу носить что-то кроме джинсов и футболок! – вырвалось у Стиви. – Моя мама умерла, когда я была маленькой, и некому меня учить женским штучкам, а когда я пробую сама, то выгляжу так глупо!

У девочки нет матери, а отец считает ее некрасивой? У Блэйр заболело сердце за нее.

– Шарфы, – заявила она вдруг.

– Что... прошу прощения?

– Я думаю, что рюши и украшения тебе не подойдут, Стиви. Они будут тебя раздражать. Но можно добавить невероятно женственную деталь с помощью шарфа. А если ты просыпаясь утром не в настроении выглядеть женственно, можно заменить шарф на что-то оригинальное или, наоборот, классическое. С твоими высокими скулами и длинной шеей шарфы будут выглядеть великолепно. Я бы целую лекцию про них прочитала.

– Правда? – выдохнула Стиви.

У Блэйр что-то сжалось в груди.

– Конечно, почему бы нет?

Стиви не сводила с нее глаз, словно Блэйр открыла ей тайну вселенной. Блэйр прокашлялась, прогоняя внезапное смущение.

– Хочешь узнать мой секрет?

Стиви подалась навстречу.

– Секрет победы в конкурсе? – замороженно спросила она.

Блэйр кивнула:

– Блеф.

– Блеф? – растерялась Стиви.

– Притворяйся, играй, заставь всех поверить в то, что ты умная, красивая и уверенная в себе. Если ты ведешь себя так, словно ты красивая и умная и тебе есть что предложить миру, если ты ходишь, говоришь и смотришь людям прямо в глаза, с уверенностью в себе, они увидят в тебе нечто особенное. И будут относиться к тебе с уважением. Это нелегко, – предупредила она. – Наоборот, очень тяжело. Но работает. И со временем ты поймешь, что уже не притворяешься. Обнаружишь, что ты действительно красивая, умная и уверенная. А потом случится что-то, что снова лишит тебя уверенности.

– Блеф, – повторила Стиви, словно пробуя слово на вкус.

Блэйр подняла подбородок и расправила плечи.

– Блеф. – Если в ее голосе и было слишком много напора, что поделаешь? – И так, увидимся в четверг?

Едва заметив Стиви, Ник нажал на тормоза и завернул автомобиль на обочину. Она сказала, что весь день собирается печь кексы со своей лучшей подругой Поппи и ее матерью. Так что она делает в фестивальной зоне с какой-то женщиной, которую Ник раньше никогда не видел?

Фестивальная зона...

Конкурс «Мисс Шоугерл»?

Ник подавил стон и опустил голову на руль на мгновение, а потом решительно вышел из машины.

– Стиви?

Девочка обернулась, мрачней на глазах. Как в мультиках. Но подбородок у нее поднялся ему навстречу.

– Привет, пап, – сказала она как ни в чем не бывало. Но Ник чувствовал, что она готова защищаться, и сжал кулаки. Она же сама ему солгала!

– Что ты тут делаешь? – Он старался не повышать голос, но знал, что его подозрения вот-вот подтвердятся, и от этого говорить спокойно было тяжело. – Ты сказала, что весь день будешь у Поппи.

Она со скучающим видом пожала плечами. Ник сжал кулаки крепче. Куда делась его сумасбродная, смешливая, веселая дочка? Когда она превратилась в эту замкнутую упрямую девочку?

Он даже не посмотрел на женщину, которая с ней разговаривала. Ее это не касалось.

– И так? – Он топнул, хотя это не избавляло от напряжения. – Стиви?

Стиви мотнула головой; в ее глазах на мгновение мелькнуло что-то знакомое, но тут же сменилось выражением обиды.

– Я только что записалась на конкурс «Мисс Шоугерл».

Вот и подтверждение! Ник набрал воздуха в грудь:

– Я же говорил, что не дам разрешения на твое участие!

У Стиви сверкнули глаза, но Ник стоял на своем. Его Стиви в глупом конкурсе красоты? Только через его труп! Он отвечал за ее воспитание и не собирался позволять ей ввязываться в глупое шоу, которое учило девочек, что красота важнее всего. Он уже видел, что одержимость внешностью сделала с Соней, и не собирался навязывать такие ценности Стиви. Семья, преданность, будущее – вот что важно в жизни.

– Иди и немедленно отмени регистрацию! Прямо сейчас! В этом конкурсе ты участвовать не будешь!

– Нет.

От ее тона Ника пробрало холодом. Он моргнул.

Стиви никогда раньше с ним открыто не спорила.

– Мне шестнадцать. – Она уперлась руками в бока. – Через два года я смогу голосовать. Я имею право принимать решения! И это решение я приняла сама, нравится тебе это или нет. Поддерживаешь ты меня или нет.

Несколько мгновений Ник не мог думать. Хотя в глубине души признавал, что она права. Но Стиви продолжила:

– Ты можешь думать что хочешь, но Блэйр Макинтайр считает, что у меня есть шанс!

С этими словами она развернулась и побежала домой.

Блэйр Макинтайр? От одного этого имени Ник замер как вкопанный. Он мечтал, чтобы эта женщина не появлялась на свет. Или хотя бы не появлялась в Дангоге. Он никогда ее не встречал, но ее имя безостановочно звучало на протяжении всего его брака с Соней. Вот Блэйр

Макинтайр на обложке какого-то глянцевого журнала. Вот Блэйр Макинтайр на подиуме в Париже. Или в Лондоне, или в Нью-Йорке... какая разница!

Если Блэйр Макинтайр может, то могу и я!

И Соня делала все, что могла. Но мир ее уничтожил. Ник не мог позволить, чтобы со Стиви произошло то же самое. Он все сделает, чтобы защитить свою малышку.

Его вернул в реальность звук прочищаемого горла. Черт, он совсем забыл о женщине.

– Извините, я Николас Конвей... – начал он, оборачиваясь, и тут же осекся, увидев ее лицо. Внутри у него все сжалось. Он грубо выругался, и тут же рассмеялся, невесело, горько: – Блэйр Макинтайр, правильно?

Соня совала ему под нос достаточно фотографий, чтобы Ник мог ее узнать. Она была великолепна. Идеальна. Как с обложки журнала. Но Ник знал, что это ложь: ни одна настоящая женщина не может так выглядеть. Такие, как она, наполняют головы подростков нереалистичными требованиями к себе и своему телу. Как будто у всех должны быть такие вот пухлые губы, длинные густые ресницы, идеально выгнутые брови и золотые локоны.

Ник у тридцать четыре; ей не меньше тридцати шести. Но она выглядела ни на день не старше двадцати пяти. Еще одна ложь.

Однако, к его ужасу, тело отзывалось на все это совершенство. Раскаленные язычки желания лизали его изнутри, нервы вспыхивали жаром и голодом. По коже прокатилось тепло. У него буквально занули пальцы от желания прикоснуться к ее щеке, проверить, действительно ли кожа такая шелковистая, как выглядит. Какая она на вкус? Каково ее обнимать? Или даже...

Он решительно прогнал возникающие в голове картины. Он взрослый, опытный человек. Если Блэйр может так манипулировать им, что она делает с впечатлительными шестнадцатилетними девочками?

Она неожиданно скривилась:

– Дайте угадаю. Я ничуть не изменилась?

Ее низкий голос как будто ласкал кожу. Блэйр выгнула одну идеальную бровь, и тело Ника отозвалось жаром. Но вслух он ответил гневом:

– О чем вы говорите, черт возьми?

Почему-то она от этого просветлела. Невозможная женщина! Но ее удовольствие растаяло в следующую секунду, когда Ник подался вперед и рывкнул:

– Держитесь подальше от моей дочери!

Глава 2

Глаза у этой женщины были такими синими, что за них можно было продать душу, и под их взглядом Нику хотелось чего-то, чему он не мог найти названия. Блэйр поджала соблазнительные губы, и он неожиданно осознал, каким громким, грубым и совершенно неразумным ей кажется.

Но он и вел себя громко, грубо и совершенно неразумно! «Возьми себя в руки, Ник». Он сжал пальцами переносицу и отступил на шаг, чтобы не нависать над женщиной. Были времена, когда он излучал бы обаяние и остроумие, но это осталось в прошлом.

Когда его мир перевернулся?

Когда Стиви стала тратить все карманные деньги на макияж и глянцево-журналы, часами разглядывать витрины с одеждой... вот тогда все и изменилось. Она хотела проколоть уши! Хотела, чтобы ее тело соответствовало модным стандартам. Ник ничего не мог понять.

Но все это чересчур напоминало ему Соню.

Блэйр выпрямилась во весь рост. У Ника рост был метр девяносто; у нее примерно метр восемьдесят. Как у Сони.

Хватит. Это не Соня. Она не бросала семью, не выкачивала из них все деньги. Не садилась на дизайнерские наркотики. Даже если она и была воплощением ненавистного мира моды – мира, который уничтожил Соню, – это не значит, что она заслуживала его грубость и раздражение.

Ник открыл рот, чтобы извиниться, объяснить, почему кричит как безумный. Но Блэйр не просто выпрямилась, но и скрестила руки на груди, натянув ткань футболки. На него снова накатили жар и голод. Горло пересохло.

Он заставил себя смотреть ей в глаза и обнаружил, что женщина его изучает с заметным сочувствием.

– Это вы отец, который не верит в свою дочь? – Она слегка покачала головой.

Ник не сразу понял, о чем она говорит.

– Мистер Конвей, я знаю, что это не мое дело, но... Думаю, ваша дочь неправильно поняла ваше нежелание, чтобы она участвовала в конкурсе, как то, что она в ваших глазах недостаточно хороша.

Ник замер.

– В шестнадцать лет девочки ужасно уязвимы, их уверенность в себе легко пошатнуть. Хотя я ни на секунду не сомневаюсь, что вы не хотели этого делать, но получилось именно так.

Что за чушь! Наоборот, Ник защищает дочь. Вся его сдержанность мгновенно испарилась.

– Не указывайте мне, как воспитывать дочь!

– Я и не думала, – моргнула Блэйр. – Просто...

– Нечего тут говорить! – Он рассек ладонью воздух между ними. – Что вы знаете о подростках?

– Я была одной из них. – Блэйр вздернула подбородок.

– У вас есть дети?

Она слотнула:

– Нет.

– Тогда не говорите мне, как растить свою дочь. Если я считаю, что ей не стоит участвовать в конкурсе красоты...

– Это не просто конкурс красоты! – вспыхнула Блэйр. – Это для благотворительности и возможность для девочек...

– Не морочьте мне голову! Я не хочу, чтобы Стиви ввязывалась в жалкий конкурс красоты, так что держитесь от нее подальше. Слышите?

– Слышу. И соседи тоже.

Ник поморщился. Придется извиняться. Спокойствию эта мысль не способствовала. Он был почти готов просить прощения, но когда открыл рот...

– Вы знаете, Стиви уверена, что вы считаете ее некрасивой.

Воздух покинул его легкие. Стиви красивая, уникальная. Она свет его жизни. Она не может этого не знать. Некрасивая? Да она может выиграть конкурс даже не стараясь. Она самая красивая, самая умная...

Ник оборвал свои мысли в раздражении. Он поговорит со Стиви, как только вернется домой.

– Нам не о чем разговаривать.

Женщине хватило наглости закатить глаза.

– Городская зазнайка, – пробормотал Ник себе под нос, не удержавшись.

– Деревенщина, – отозвалась Блэйр.

Он едва не подавился. Она его услышала?

Пожав одним изящным плечиком, она развернулась и удалилась. Ник провожал ее взглядом, пока она не исчезла за углом.

Ник потер лицо, глотая ругательства. Он неприлично грубил. Позволил своему раздражению вырваться. Этого уже давно не случалось; что на него нашло?

Он пнул камень и зашагал обратно к машине. Что делать со Стиви и конкурсом – непонятно. А вот перед Блэйр Макинтайр ему придется извиниться.

– Что ты ей сказал?

Ник слотнул, пораженный тоном Стиви. Ее голос никогда так не отдавался эхом от стен. Но он все равно упрямо расправил плечи:

– Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты участвовала в конкурсе красоты, этой поверхностной ерунде. Тебе нельзя отвлекаться от учебы. Если хочешь стать юристом, нужны хорошие оценки.

Стиви запустила пальцы себе в волосы:

– Все дело в маме, да?

– Нет, в тебе... – Ник оттянул пальцем ворот футболки.

– Я просто хочу хорошо выглядеть, а ты думаешь, что я как мама. Что я начну принимать наркотики!

– Глупости. – Ник всеми силами старался защитить Стиви от правды о смерти ее матери, но об этом писали все газеты страны. Теперь Стиви отступила, бледнея от гнева.

– Ты мне не доверяешь.

У нее в глазах блестели слезы. От ее боли у Ника сжалось сердце.

– Я хочу, чтобы ты сосредоточилась на важном, не отвлекалась на ерунду...

Он не потеряет еще одну женщину в своей жизни из-за безжалостного, бессердечного мира моды. Не позволит Стиви голодать ради фигуры, делать операции, выворачивать себя наизнанку, чтобы воплотить нереалистичный идеал перед камерами.

– «Мисс Шоугерл» – это не просто конкурс красоты. – У нее задрожал голос, она мерила шагами кухню. Перед мысленным взором Ника возникла Блэйр. – Это был мой единственный шанс, а ты все испортил!

Ник замер:

– Единственный шанс на что?

– Научиться хорошо одеваться! Укладывать волосы, и делать макияж, и...

– Ты и так нормально выглядишь!

– Нет, не нормально! – Ее голос был полон раздражения, лицо покраснело, руки дрожали. – Ты мужчина, что ты в этом понимаешь! Хочешь, чтобы другие юристы надо мной смеялись, как девочки в школе?

«Деревенщина», – раздался у него в голове голос Блэйр.

– У других девочек есть матери. А у меня...

Ник смотрел на нее и не мог найти ни слова в ответ.

– Даже если это такой поверхностный конкурс, как ты говоришь, что плохого в макияже, прическах, красивой одежде? Мне надоело притворяться, что мне все это не нравится, только потому, что ты не одобряешь. – Ее голос снова стал громче. – Мне все равно, что ты думаешь. Это не значит, что я становлюсь как мама!

– Я не говорил... – Ник осекся. Именно это он и говорил. Красивая одежда, макияж, прически – все это напоминало ему о том, что Соня предпочла их семье. Ему. И что хуже – Стиви.

У него зашипало глаза, в висках застучало. Стиви отказывалась от всего того, что так нравится девочкам... ради него?

Она перегнулась через стол с выражением раздражения и огорчения.

– Это был мой единственный шанс перестать бояться.

– Чего ты боишься? – За нее Ник сразился бы с любым драконом.

– Выступить на публике! – едва не закричала она. – Одно из заданий конкурса – прочитать речь. Нас будут учить, советовать. Но теперь... Какой из меня юрист, если я не могу выступить?

У Ника перехватило дыхание. Ему следовало поговорить с дочерью, выяснить, почему ей так важен этот конкурс. Но вместо этого он сделал поспешные выводы и сорвался на крик.

Стиви права. Ник ей не доверял.

– Детка, я...

Но Стиви не дала ему договорить:

– Ты не веришь, что я могу выиграть. – Ее голос звучал жестко, но в нем крылась дрожь, от которой у Ника разбивалось сердце. – Все думают, что я выставлю себя душой, и ты тоже.

Ник сжал кулаки. Кто такое говорит?

– Но Блэйр считала, что у меня есть шанс! Она в меня верила! – С этими словами Стиви вылетела из комнаты. Дверь ее спальни с грохотом захлопнулась, и раздались сдавленные рыдания.

Ник зажмурился и прижал кулаки к глазам. Стиви редко плакала. Ему едва хватало сил, чтобы оставаться на месте, не пойти к ней. Сейчас она не приняла бы его попытки утешения. Что он наделал...

Но теперь он должен все исправить.

Ник поднялся, взял кепку и отряхнул джинсы. Он знал, что Блэйр – племянница Глори Миддлтон. Если она живет в Дангоге, то остановится у тети. Туда ему и дорога.

Стук в дверь черного хода отвлек Блэйр от изучения журнала. Она совсем недавно вернулась домой, пульс едва перестал частить после столкновения с Николасом Конвеем. Что за неандерталец...

Хотя и сексуальный.

Мысль пришла непрошеной. Блэйр прогнала ее и поднялась на ноги, чтобы открыть дверь, – очень кстати, это отвлечет ее от глупостей. С мужчинами в ее жизни покончено. А неандерталец остается неандертальцем, несмотря на сексуальность.

Она открыла дверь – и застыла как вкопанная, увидев, кто стоит за тонкой сеткой наружной двери.

И пульс у нее немедленно участился снова.

Она списала это на всплеск адреналина от напоминания от недавней стычки. Открыв наружную дверь, она скрестила руки и прислонилась плечом к раме. Приглашать мужчину внутрь она не стала. Блэйр умела держаться холодно и высокомерно, когда ситуация требовала – как сейчас.

– Ну-ну, вот и дере... венский мальчик.

Маска высокомерия удачно скрывала то, как у нее пересохло в горле при виде этого красавца. На нем были потертые джинсы и черная футболка, которая облегла плечи и подчеркивала их размах. Взгляд Блэйр невольно скользнул вниз по его телу. Тонкая черная ткань обрисовывала мышцы на груди, облегла живот так, что даже сквозь нее было видно рельеф. Узкие бедра. Длинные ноги. Пыльные коричневые ботинки только прибавляли мужчине деревенского шика. Он был сексуальнее любого мужчины-модели, которые попадались на ее пути.

И ведь он наверняка даже не прикладывал к этому усилий!

Блэйр не сомневалась, что Николас Конвей показывает миру свое истинное лицо.

Это было еще сексуальнее.

Она встряхнула волосами... нет, париком и напомнила себе, что секс ее больше не интересует. Она не могла себе представить близость с мужчиной. Если кто-то увидит ее обнаженной... Ее передернуло от воспоминания, как один мужчина отшатнулся от ее уродства, от шрамов. Снова быть отвергнутой? Нет.

Так что она вздернула подбородок и так же прохладно поинтересовалась:

– О чем-то еще не поорали?

Ник взъерошил волосы пальцами. Переступил с ноги на ногу. Помял кепку в руках. Блэйр едва не смягчилась.

«Не забывай, он неандерталец».

– Я пришел извиниться.

Судя по его виду, он был готов к тому, что Блэйр захлопнет дверь у него перед носом. Но она никогда не любила драматические жесты, несмотря на искушение. Мужчина ждал ее ответа, и Блэйр со вздохом сдалась:

– Ладно, входите.

Идя в кухню, она спиной чувствовала габариты мужчины, жар его тела. В этом было что-то чисто мужское. Блэйр обошла стол, чтобы поставить между ними преграду.

– Кофе? Чай? Что-нибудь покрепче?

Ник не был похож на мужчин, которым нужен градус для смелости, но последний бойфренд Блэйр доказал, что она не разбирается в мужчинах, так что как знать?

– Вы что-нибудь будете?

Он явно вел себя как можно вежливее.

– Я собиралась выпить чаю.

– Чай – это замечательно, если вам не трудно.

Да, воплощение вежливости. Внезапно Блэйр поняла, что не хочет его извинений, а хочет, чтобы он убрался и перестал будить в ней ненужные чувства. Сегодня она на несколько мгновений почувствовала давно забытый оптимизм. Когда поняла, что еще может что-то предложить другим, а именно Стиви... Но этот мужчина появился и разбил ее надежды резкими словами и высокомерием.

Но, по крайней мере, он не обращался с ней как с ребенком.

Вернувшись в реальность, она поставила чайник, насыпала заварку. Николас не уйдет, так что остается гостеприимство. Чем скорее они выпьют чай, тем скорее она от него избавится. Поэтому она выбрала самые маленькие чашечки вместо обычных объемных кружек.

Николас молчал, пока они оба не оказались за столом с полными чашками. И даже тогда ей пришлось начать первой:

– Вы сказали, что хотите извиниться.

Николас кивнул, не отводя глаз от чая.

– Да.

Блэйр проглотила вздох, поднявшийся из глубины души, полный тоски по чему-то, о чем она не хотела думать.

– Извинения приняты. Забудьте.

Жизнь слишком коротка, чтобы хранить обиды.

– Пойдите, я еще ничего не сказал! Все не так просто, городская вы моя. – Он улыбнулся, но в глазах оставались тени.

– Вы говорили что-то про женщин, которые все выглядят одинаково...

– Это не важно. – Их взгляды встретились; Блэйр отругала себя за стремление превентивно защищаться. При первой встрече Ник посмотрел на нее так, словно видит ее настоящую, и зрелище ему все равно нравится – и на мгновение что-то у нее в душе отозвалось. А потом она вспомнила про шрамы, про отсутствие одной груди и волос и представила, что бы он сделал, если бы увидел ее настоящую.

Она первой отвела взгляд:

– Я болела. Но теперь мне лучше.

Лучше? Да.

Но ни один мужчина больше не сочтет ее привлекательной.

Николас долго молчал, а потом покачал головой:

– Мне жаль, Блэйр. Вы здесь, пока выздоравливаете и собираетесь с силами?

– Силы ко мне уже вернулись, – заявила она. – Я просто отдыхаю. У меня отпуск.

Он сузил глаза, но на этот раз Блэйр не отвела взгляд. Наконец Ник покачал головой.

– Все это не меняет того, что мне не следовало срывать. Я не думал ни о ком, кроме своего... страха.

То, что мужчина признает свой страх, не должно быть настолько привлекательным. Но в Николасе Конвее это завораживало. Может, дело в том, что он смотрел ей в глаза во время признания. Блэйр облизнула пересохшие губы; у Ника от этого потемнели глаза. Чертовски сексуально...

– Страх не способствует манерам, а я был в настроении на кого-нибудь накричать. – Николас поморщился. – Но если бы я знал, что вы болели...

– Ничего страшного. Я же сказала – я уже здорова. – Она едва не развела руками, демонстрируя, что выглядит как воплощение здоровья. С другой стороны, она не хотела, чтобы Ник к ней присматривался. Он может счесть это приглашением к флирту. А она не собиралась флиртовать.

– Блэйр, мне правда очень, очень жаль. Я повел себя отвратительно.

– Извинения приняты.

– Я сделал ужасную ошибку, и мне нужно искупить свою вину...

– Не передо мной.

– Немного перед вами, – осторожно сказал он, – но в основном перед Стиви.

Блэйр выпрямилась. Ник продолжил:

– Поэтому мне нужно, чтобы вы меня простили.

– Потому что?..

– Потому что я беру обратно все свои слова; я прошу принять Стиви обратно в конкурс и прошу вас лично помочь ей, как вы обещали.

Он сделал глоток, словно ему нужно было промочить горло после этой речи. Большая рука, удерживающая крохотную чашку, должна была бы выглядеть нелепо, но не выглядела. Ник изучал ее взглядом поверх чашки. Он наговорил ей много недобрых слов... однако от одного его взгляда у Блэйр покалывало кожу. Он ожидал, что она простит его полностью и станет ему помогать.

И она ведь поможет. Ее саму это рассердило.

– А что будет на следующей неделе, когда ты опять передумаешь? Мне ждаться, что ты будешь стучать мне в дверь и обзывать? – От гнева она даже перешла на «ты».

Ник смутился:

– Конечно нет!

– Я должна тебе просто поверить? Что ты внезапно поменял мнение о... – она склонила голову набок, – как ты это назвал? О жалком конкурсе красоты?

Ник промолчал; Блэйр поняла, что он не поменял мнение. Но все равно собирается позволить Блэйр участвовать. Заинтригованная, она скрестила руки на груди.

– Если бы я не вмешался и не сорвался, ты бы все равно помогала Стиви.

Блэйр собиралась сдержать обещание, данное девочке. Но стоит заставить ее отца немного попотеть.

– Теперь мне придется учитывать, что у нее отец с характером.

– Не такой уж у меня характер! – Он приподнялся на стуле.

Блэйр смерила его взглядом:

– Вы на меня кричите, мистер Конвей?

– Нет, – пробормотал он, плюхаясь обратно. – Просто... Стиви не должна платить за мою ошибку.

Нет, не должна.

– И называй меня Николас. Ник.

Блэйр секунду рассматривала его и едва не рассмеялась от того, как он пытался не хмуриться.

– Я была права, да? Стиви расценила твой запрет участвовать в конкурсе как то, что ты не веришь в ее шансы.

Ник нахмурился сильнее, подтверждая ее правоту.

– Довольна победой? – поинтересовался он.

– И не собираюсь этого скрывать.

– А когда сочтешь, что я достаточно наказан?

– О, твое наказание еще не началось!

Он стиснул кулаки.

– Но ты сможешь Стиви? – выдавил он. – Пожалуйста...

Он любит дочь и желает ей счастья. Хотя и ненавидит конкурс.

– Помогу, но при одном условии, Ник. Что ты будешь поддерживать все, что она делает для конкурса...

– Конечно буду! Я же здесь!

Она улыбнулась шире и продолжала, словно не слышала ни слова:

– ...Взяв на себя роль ее менеджера. Будешь координировать всю ее благотворительную работу.

Ник пребывал в замешательстве. Он – и участвует в жестоком мире конкурсов красоты?

– Ты же не ждешь...

– О, Николас. – Блэйр смерила его снисходительным взглядом. – Я жду от тебя куда большего. – У него внутри все сжалось, а она продолжила: – Но начнем с благотворительности.

Он не представлял, с какого конца за это браться.

– Ты же серьезно хочешь искупить вину перед Стиви?

– Да, но...

– Тогда докажи это на деле.

Николас понимал, что она права. Он мог сколько угодно говорить, что верит в дочь, – и начнет, как только вернется домой, – но убедить ее в своей искренности, в том, что верит в нее, он сможет только поступками, поддерживая на практике. По крайней мере, если он будет

участвовать в благотворительности, то сможет защитить ее от жестокой конкуренции, от язвительных конкурсанток и постоянного подрыва самооценки...

– Договорились, городская девчонка! – Он протянул руку, но ему показалось, что Блэйр пожалала ее немного неохотно.

Она держалась высокомерно и отстраненно, но Николас чувствовал, что сумел ее задеть. И от этой мысли он ухмыльнулся и удержал ее руку на секунду дольше, чем следовало. Когда он отпустил ее, на щеках Блэйр горел румянец. Его охватило чисто мужское удовлетворение.

Посмотрим, кто кого.

Глава 3

Едва Ник понял, куда текут его мысли, он их прервал. Незачем связываться с такой женщиной, как Блэйр Макинтайр. Он уже позволил одной женщине растоптать его мечты. Другой он не даст такую возможность.

Он добился того, чего хотел: извинился перед Блэйр и уговорил ее помочь Стиви. Однако почему-то ему не хотелось заканчивать встречу. Краска сошла со щек Блэйр; он хотел сделать так, чтобы она проступила снова.

Чашка звякнула о блюдце, когда Блэйр ставила ее на место. Похоже, она нервничала под его взглядом...

Потому что то, как он на нее уставился, просто невежливо!

Ник заставил себя отвести глаза и быстро допил все, что оставалось в маленькой чашке. Глори налила бы чай в большую кружку; но Блэйр вела себя как изысканная горожанка. Интересно, предложит еще чашечку?

– Стиви высказала все, что думает? – спросила она взамен.

– Она плакала. – Во рту проступила горечь. – Она почти никогда не плачет...

Он рискнул посмотреть на девушку: ее соблазнительные губы были поджаты, взгляд смягчился сочувствием. Он изучил каждый изгиб этих губ, а потом встретил ее взгляд. Сердце сильнее застучало о ребра.

Блэйр вскочила на ноги, словно хотела убежать. Ник выпрямился и постарался успокоить зачавшее сердце. Но в следующую секунду ее паника скрылась за вздернутым подбородком и упрямым выражением, словно ему просто почудилось.

Ник не мог понять эту женщину.

– Итак, чего мы ждем?

– Ждем?.. – Ник тоже поднялся на ноги, подчиняясь ее царственному тону.

– Ты же хочешь извиниться перед Стиви как можно скорее.

Конечно, но...

– Раньше ужина она не согласится со мной разговаривать. А до ужина еще далеко.

– Сам виноват. Но со мной она поговорит.

Ник чуть расслабился:

– Ты с ней поговоришь?

– Конечно. – Блэйр как будто с трудом сдерживала улыбку. Ник не знал, что сказать, так что молча последовал за ней и подождал, пока она закроет дверь.

– Тебе полезно немного попотеть, деревенский мальчик, но Стиви этого не заслуживает.

– Я тебя расцеловать готов, – резко сказал Ник.

Блэйр отступила на шаг.

– Не стоит.

Она превратилась в Снежную королеву, словно это ее вторая натура. Но в следующую секунду усмехнулась, и Снежная королева стала искусительницей. У Ника вскипела кровь.

Дом Глори был всего в паре кварталов от его автомастерской, выходящей на центральную улицу города. Его домик с картонными стенками скрывался позади нее.

– Все в городе узнают, как ты поменял свое мнение по поводу конкурса. Приятно будет посмотреть, – злорадно сказала она.

Ник почти ухмыльнулся в ответ:

– Не получится.

– Что не получится? – Она шире раскрыла глаза, изображая невинность.

– Ты меня просто так не доведешь, принцесса.

– Плебей.

Его переполняла энергия; смеяться стало неожиданно легко. Но затем он нахмурился. Когда смех стал даваться ему с трудом?

– Итак, скажи...

Ник приготовился к следующему уколу.

– Какой подход к сбору средств на благотворительность ты собираешься использовать?

Все не так уж плохо.

– Идеи есть?

– Тысячи. Но я буду выдавать по одной на твои три.

– Это несправедливо, – изобразил возмущение Ник.

– Это искупление.

Он снова рассмеялся, запрокидывая голову.

– Ну давай, воткни нож поглубже. – Он развел руки в приглашающем жесте. Блэйр ухмыльнулась; похоже, ей перепалка нравилась так же, как и ему.

Он провел женщину через черный ход мастерской и открыл перед ней высокие ворота. Слева высился сарай из металлических пластин; справа – аккуратный домик. Между ними расстилалась утоптанная земля; сада у них не было. Оставалось гадать, что она подумает... Почему его это волнует?

– Ты механик, да? – спросила она легким тоном.

– Ага.

– Моей машине нужен техосмотр.

Он был не простым механиком. Он занимался восстановлением классических моделей. Был известен на всю страну. Мог выбирать, за что братья.

Но это его не остановило от того, чтобы сказать:

– Пригони в четверг или пятницу.

– Спасибо.

– Нет. – Он остановил ее прикосновением к руке. – Спасибо, что пришла поговорить со Стиви. И что показала, как заглядывать свою вину. Я все равно не одобряю ее увлечение модой, но ценю то, что ты делаешь.

Блэйр отступила на шаг от его руки и вздернула подбородок:

– Мы со Стиви докажем тебе, насколько ты не прав.

– Не важно, прав я или нет. Мне надо показать Стиви, что я ей доверяю и буду поддерживать даже в том, что мне не нравится. Я у тебя в долгу...

Она внезапно прищурилась:

– За работу с машиной я заплачу, Николас.

Видя, что ее смутила его благодарность, он выдал смешок и ответил:

– Я тебе выставлю счет по высшей ставке.

Блэйр не улыбнулась в ответ.

– Ты решил, что я легкомысленная, самовлюбленная и не способна на серьезные чувства, только потому, что я была моделью. Так?

– Я... – Он повел плечами. Она была права, именно так он и думал о ней. Решил, что она такая же, как Соня. Но что он на самом деле знает о Блэйр Макинтайр?

Ничего.

Но она простила его поведение и хотела помочь Стиви. Легкомысленные и самовлюбленные так себя не ведут.

– Блэйр, я...

Она ткнула в него пальцем:

– Но что бы ты подумал, если бы я сказала, что сегодня провела много времени перед зеркалом, делая макияж?

– Много – это сколько? – выдал он. – Больше получаса?

Этому она собирается учить его дочь? Что, это так важно?

– Намного больше.

– Зачем это нужно?!

– А что бы ты сказал, узнав, что у меня накладные ресницы?

Нет!

– И парик?

Николас отступил на шаг:

– Ни за что не поверю.

Подходя ближе, чтобы присмотреться, он ощутил волнение.

– На тебе правда парик, Блэйр?

– Правда, – резко ответила она, сверкая глазами, и качнула головой; великолепные – но фальшивые! – волосы рассыпались по плечам и спине. – Но скажи мне: какое это имеет значение?

Ник с трудом разжал зубы:

– Как ты можешь спрашивать? Ты воплощение всего, что я ненавижу в моде. – Разве она не видит, сколько вреда приносит простым смертным – особенно девочкам? – Ты хочешь забить моей дочери голову нереалистичными ожиданиями. Она будет считать, что должна соответствовать, и...

– Тебе стоило бы больше доверять дочери, – резко ответила Блэйр. – Нет ничего дурного в том, что женщина хочет выглядеть как можно лучше.

– Пока это не занимает всю ее жизнь. – Парик? Зачем... – Как это случилось с тобой? Сними парик, Блэйр. Пусть Стиви увидит, какая ты на самом деле, вместо того чтобы забивать голову фантазиями!

На секунду ему показалось, что у нее в глазах мелькнула боль.

– Думаешь, все дело в тщеславии, да?

Ник промолчал.

– Это ультиматум? Я должна снять парик, или ты не позволишь мне увидеть Стиви?

Ник напрягся, готовясь к худшему:

– Именно так.

– Хотя я тебе делаю услугу...

– Если ты будешь пудрить Стиви мозги, это не услуга, а вред.

– Если я не сниму парик, ты все равно разрешишь ей участвовать в конкурсе?

Ник переступил с ноги на ногу. Он не мог так поступить. Для Стиви конкурс был слишком важен. Но перед Блэйр он пока не хотел в этом признаваться.

Неожиданно в ее глазах сверкнул гнев, едва не опалив его кожу. Какое право она имеет так на него смотреть? Он просто защищал свою дочь!

– Господи, Николас. Сложи наконец два и два! – рявкнула она.

Ник открыл рот – и закрыл. Мягкие очертания ее губ отвлекали от твердого подбородка. У нее раздувались ноздри, плечи закаменели. У него по спине побежали мурашки.

– Мне все говорят, что я ничуть не изменилась. – Она отогнула палец. Ник сглотнул. – Я долго болела. – Она выгнула бровь, словно ожидала, что он сложит кусочки головоломки. Поймет, какая связь между болезнью и париком.

И Ник понял.

Он схватился за забор, словно его ударили под дых. Блэйр отвела взгляд, как будто ей было невыносимо смотреть на свое отражение в его глазах.

– Почему ты сразу решил, что макияж и парик – это просто тщеславие? Ты всегда так поспешен в суждениях?

В этот момент Ник ненавидел себя за предрассудки.

– Я ношу парик не для того, чтобы скрыть неудачную прическу или окраску. Хотела бы я... – Она издала звук, похожий на смешок, который резанул грудь Ника, как нож. – У меня нет волос, которые можно было бы красить. Из-за химиотерапии.

Она словно не могла остановиться в своих признаниях. Ник зажмурился, ругая себя за все предубеждения, за все, что ей наговорил.

– Рак? – выдавил он, с трудом отликая от забора. Ему хотелось выразить сочувствие, утешить ее... обнять и убедить себя, что с ней все в порядке. Но он не стал. Блэйр бы ему, наверное, врезала за попытку. И была бы права.

– Волосы от него портятся, – кивнула она и указала на ресницы и брови. – Но по крайней мере, мне не скоро придется брить ноги.

Ник вряд ли забудет темные тени в ее глазах.

– Блэйр, я...

– Знаешь, как я выгляжу без парика и макияжа?

– Я...

– С голыми веками и большой, круглой, лысой головой? – Ее глаза сверкнули яростью. Она уперлась руками в бока, явно ожидая ответа. Но Ник был уверен, что она все равно была бы красива... Едва заметив эту мысль, он понял, что это правда. И в то же время – что Блэйр ему ни за что не поверит. – Я выгляжу как большой беспомощный ребенок. А знаешь, как люди обращаются с ребенком? – Ее гнев и раздражение постепенно таяли.

Она медленно отошла к низкой кирпичной стенке и села. И сделала большой, прерывистый вдох.

– Как будто они ничего не могут сделать сами, – шепотом закончила она.

Ника вывело из оцепенения то, как ссутулились ее плечи. Он опустился на стенку рядом с ней, уперся локтями в колени и уронил голову. Как извиниться за то, что он сделал, за брошенные обвинения?

– Можете сколько угодно порицать мои парики и накладные ресницы и брови, мистер Конвей. Можете говорить, что я фальшивка, что я тщеславна, что всех вокруг обманываю. Что я неправильно расставляю приоритеты. Но... – Еще один вдох, и она словно содрогнулась всем телом. Лучше бы она его ударила...

Блэйр посмотрела ему прямо в лицо; боль в ее синих глазах была самым жестоким наказанием.

– То, как я выгляжу, – моя защита. Так я пытаюсь вернуть себе контроль хотя бы над чем-то в своей жизни. Вернуться к нормальной жизни. Чтобы люди обращались со мной как раньше, до болезни. Для этого мне нужно выглядеть нормально – как раньше...

Она икнула. У Ника упало сердце, но он заставил себя выпрямиться.

– Ты уверена, что достаточно здорова, чтобы вернуться к прежней жизни?

– О! – Она скривила губы. – Конечно, ты должен был немедленно продемонстрировать то, о чем я говорю! А когда ты на меня кричал недавно, тебе это в голову не приходило?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.